

- зависимости от степени воздействия как внешних, так и внутренних факторов;
- системный подход в праве реализуется в несколько этапов:
    - выделение совокупности отношений в определенной сфере деятельности,
    - выделение регулирующих эти отношения (как по разнь так и в совокупности) норм права,
    - конструирование «правовой системы» (правообразования), содержащей как нормы права, так и регулируемые ими общественные отношения,
    - проверка того, насколько полно реализуются общесистемные принципы в созданном исследователем правообразовании (если они реализуются в правообразовании в полной мере, последнее допустимо считать системой),
    - исследование реализации общесистемных законов в выделенной правовой системе;
  - применительно к законодательству о культуре, в частности о музейном деле, позволительно говорить, что оно является системным образованием, в котором

проявляются общесистемные принципы и которое действует согласно общесистемным законам;

- система музейного права функционирует (как и правовая система в целом) в состоянии, близком к состоянию промежуточности, что характерно для социальных систем;
- в системе законодательства о культуре имеются собственные количественные закономерности, в той или иной степени связанные с иными колебательными процессами в социальных системах.

Список литературы

1. *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию: социальная системология. — М.: Наука, 2005.
2. *Давыдов А.А.* Системный подход в социологии: законы социальных систем. — М.: Эдиториал УРСС, 2004.
3. *Жилин Д.М.* Теория систем. — М.: Эдиториал УРСС, 2004.
4. *Прангишвили И.В.* Энтропийные и другие системные закономерности: вопросы управления сложными системами. — М.: Наука, 2003.

УДК [1:316]:167
ББК 71.0+60.00

Е.А. РЕВУЦКАЯ

МОДЕРНИЗАЦИЯ VS АРХАИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СООТНОШЕНИЕ, ДИНАМИКА, СЛЕДСТВИЯ

Рассматриваются процессы модернизации и архаизации, происходящие в современной России, анализируется их взаимосвязь, влияние на характер и динамику социокультурных изменений.

Ключевые слова: современная Россия, традиционное общество, модернизация, глобализация, архаизация, динамика, следствия, изменения.

Вряд ли кто-то будет оспаривать мысль о том, что «Россия представляет собой сегодня традиционное общество, которое частично модернизировано, частично разрушено. Традиционная, современная и разрушенная части не являются изолированными, противостоящими друг другу сегментами, а существуют совместно и одновременно» [1, с. 114]. Подтверждение этому нетрудно найти, изучая сводки новостей из российских регионов или наблюдая за событиями, происходящими в собственной жизни и в жизни родных и знакомых. Часть регионов охвачена процессом архаизации — речь идет как об общественной жизни, так и об экономике. Государство, государственное начало ушло из очень многих сфер жизнедеятельности, открыв на низовом уровне возможности для «свободного творчества масс», которое часто

оказывается за гранью закона и в реальности является возвратом к архаическим способам ведения хозяйства и характеристикам общественной жизни. Общественные институты модерна не справляются с ситуацией и часто показывают свою неэффективность. Многие понимают, что-то нужно менять, трансформируя, совершенствуя то, от чего зависит наша жизнь.

Как в современной России соотносятся модернизация и архаизация? Какова динамика и особенности этих процессов в ее социокультурном пространстве? Многие исследователи обращались к этим сюжетам, и, тем не менее, проблема на данный момент не представляется исчерпанной.

Перемены в российском обществе объективно необходимы. Однако необходимо учитывать множество внутрен-

них и внешних факторов. Трудно переломить тенденцию, обусловленную глобализацией. Существует множество индивидуальных и коллективных агентов с разнонаправленными интересами. По сути, они — результат воздействия определенной культуры, обуславливающей значительную часть (если не всех) характеризующих их параметров.

Ю.М. Лотман писал, что «культура представляет собой сложный многофакторный механизм. Она обнаруживает признаки самонастраивающейся системы и сама способна регулировать и усложнять собственное строение. Эта способность органически связана с неоднородностью внутреннего строения» [2, с. 31]. Каждая культура представляет собой уникальную многослойную констелляцию комплекса динамически меняющихся характеристик-процессов, обусловленных как эндогенными, так и экзогенными факторами.

Не является исключением и российская культура, имеющая, как и многие другие, и типичные, и уникальные черты. Вмешательство в ее развитие, заимствование и внедрение тех или иных элементов со стороны может привести к самым разным последствиям, которые, подчас, с трудом возможно предвидеть. «Именно культура задает стандарты, стереотипы мышления и эмоций, в соответствии с которыми создается и воспринимается информация. А ведь наиболее эффективная стратегия конкуренции — навязывание конкурентам стандартов, наиболее соответствующих своим склонностям. Стандартизация в важнейшей, информационной сфере неминуемо несет на себе отпечаток “материнской” культуры.

Для обществ с иными культурами этот стандарт чужд и как минимум неудобен, а как максимум разрушителен», — пишет М.Г. Деягин [3, с. 68]. Известный аналитик обращает внимание на любопытный факт, а именно, на «возникновение качественного различия между ранее однородными обществами. С одной стороны, деиндустриализация и архаизация территорий бывшего Советского Союза, с другой, — болезненный, но неоспоримый прорыв США и, отчасти, Великобритании, в постиндустриальное информационное общество делает неправомерным традиционное применение логических схем, выработанных одним обществом, к реалиям другого» [3, с. 18]. Такая ситуация обуславливает крайнюю сложность изучения соотношения модернизации и архаизации в российском социокультурном пространстве.

Исследователи, в зависимости от предмета интереса, часто используют термины «архаическое общество» и «традиционное общество» в качестве синонимов, хотя это не всегда оправдано и может создавать путаницу [4, с. 25]. Принято считать, что архаическое общество базируется на присваивающем типе ведения хозяйства, для него характерно господство ритуала, магии и раннего мифа. «Роль ритуала определяла его центральное положение в жизни человека и состояла в том, что с его помощью решалась главная задача — гарантия выживания коллектива <...>. Так как ритуал был главной ценностью архаического общества, контроль над правильностью проведения ритуала был строгим» [5, с. 43].

Традиционное общество принято считать аграрным, для него характерна ведущая роль традиции, на смену ритуалу приходит обычай, место мифов и магии занимает та или иная религия. И архаическое, и традиционное общество прошло очень длительный путь развития; переход из одного в другое мог занимать сотни и даже тысячи лет. По мнению К.Н. Костюка, «архаика не кристаллизуется в социальных формах — это свойство традиции, но оседает на психологическом уровне, прежде всего — на уровне подсознания. Наиболее выражена она в пограничных ситуациях, в иррациональной мотивации, в спонтанных, внекультурных движениях человеческого духа <...>. Архаика появляется в современном обществе только из-за неспособности традиции, вытесняемой модернизацией, выполнять свои функции. Парадоксальным является то, что архаика сама может быть источником модернизации и разрушения традиции» [6].

Думается все же, что модернизироваться могут преимущественно традиционные общества, но дело состоит в том, что в чистом виде такие общества не существуют. Какие-то черты (характеристики) могут быть более продвинутыми, какие-то могут отставать, сами общества могут находиться на разных стадиях развития. Если брать только общества традиционные, то они могут иметь огромное количество различий по многим параметрам.

Изучение традиционного общества в России и на Западе шло разными путями. В СССР под термином традиция в разные периоды понималось разное. Например, К.В. Чистов писал: «Термины “культура” и “традиция” в определенном теоретическом контексте синонимичны или, может быть, точнее — почти синонимичны. Термин “культура” обозначает сам феномен, а “традиция” — механизм его функционирования. Проще говоря, традиция — это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся» [7, с. 106]. При таком подходе традиция есть один из механизмов изменения общества. Для многих российских авторов «традиция — феномен принципиально динамичный и саморазвивающийся. Однако при всей этой легкости и естественности перетекания форм, которую, казалось бы, описывает российская наука, сам процесс этого перетекания волнует российских ученых в большей мере, чем западных, во всяком случае, в тех аспектах культуры, которые не являются материальными» [8, с. 178].

И.Г. Яковенко отмечает, что суть перехода от традиционной модели к динамической состоит в качественном изменении (трансформации) механизма социокультурного воспроизводства. При этом, по его мнению, социокультурный организм переходит от воспроизводства универсума сакрализованной традиции к воспроизводству согласно иной логике. Исследователь связывает это изменение с развитием рынка [9, с. 55]. Однако революционный переход от Российской империи к советскому строю, безусловно имевший динамический модернизационный характер, не был связан с рынком. Следовательно факторы,

лежащие в основе таких трансформаций, могут иметь более сложную детерминацию.

В ситуации модернизации значительно возрастают риски, причем как социальные, так и технологические. И.Г. Яковенко отмечает, что «в модернизирующемся обществе природа города “берет свое”. Порождаемая городом динамическая доминанта способствует размыванию космоса должного». Человек, привыкая к инновациям, «не замечает сложно уловимой трансформации собственного сознания, осваивающего вместе с новыми навыками культурные смыслы, положенности и установки» [10, с. 221]. Вместе с распадом традиционной культуры постепенно возрастает степень индивидуализации, то есть выделенности «Я» из коллективного «Мы». Меняются установившиеся, казалось бы, навсегда коммуникативные и хозяйственные практики.

Российское традиционное общество представляет собой своеобразное явление, поскольку в различных регионах России оно сохранилось в разной степени, и это отражается на многих сторонах жизни россиян. Так, в большей степени оно сохранилось на Северном Кавказе, среди коренных народов России за Уралом, в меньшей степени можно говорить о традиционности применительно к народам европейской России. Три поколения советских граждан, живших в условиях «навязанного» модерна при отсутствии вызревших для его развития условий, могли в какой-то степени сохранить и транслировать лишь отдельные его черты. Наличие такой ситуации позволяет некоторым авторам приходиться к парадоксальным мыслям. Так, по мнению О.А. Кармадонова, «для современного Запада большое значение, вероятно, имеет “отсутствие традиционности” (нежели *присутствие* современности), для арабо-мусульманского мира — “отсутствие современности” (нежели *присутствие* традиционности). Для китайско-конфуцианского культурного ареала имеет значение “*присутствие* и традиционности и современности”, для России — “отсутствие и традиционности и современности” [11, с. 31]. То есть автор отказывает России и в одном, и в другом. Парадоксально это отражается в публицистике: применительно к России до сих пор продолжает оставаться актуальным выражение «Верхняя Вольта с ракетами». В гуманитарной науке, на наш взгляд, актуальную ситуацию адекватно отражает введенный А.Г. Дугиным термин «археомодерн» [12].

Так, после распада СССР в обстановке общей дестабилизации люди были вынуждены выживать, опираясь на уцелевшие связи и имеющиеся (чаще несистемные, альтернативные) источники получения доходов или искать новые. Социальная структура СССР стремительно разрушалась и формировалась новая. «В ситуации общей нестабильности наиболее востребованными оказываются архаические хозяйственные и обслуживающие их коммуникативные практики. Причиной этому является их несистемность и особая эффективность в кризисные периоды. Они демонстрируют высокую адаптивность в периоды социальных и политических трансформаций, позволяя их участникам образовывать устраивающие всех (пусть и

на начальном этапе, пусть вынужденно) коммуникативно-хозяйственные сети» [13, с. 24].

Несмотря на некоторую экзотичность наименования этих сетей, данный термин достаточно точно передает реальное положение вещей: сети создаются из экономической необходимости с помощью несистемных, по сути дела архаических коммуникативных практик. Эти практики действительно архаические, так как отношения несистемного господства-подчинения в более или менее явно выраженном виде можно увидеть на примере многих государств Древнего мира. А основу подобных практик можно изучать на примере жизни людей в более ранние этапы развития социальных общностей.

Объективно существующая необходимость модернизации многих подсистем современного российского общества актуализирует изучение самой истории российских модернизаций [14]. Их анализ показывает перманентное присутствие фактора архаизации как важной составляющей этих процессов. Иначе говоря, для российской ситуации несомненным фактом является взаимозависимость этих двух понятий и явлений, стоящих за ними. Модернизация (как техническая, так и институциональная) в той или иной степени дестабилизирует социальную систему, которая охвачена изменениями. В социуме возникают напряжения, переконфигурирующие социальное пространство и отражающиеся в физическом пространстве. Растянутые по времени изменения (в сопоставлении с жизнью одного поколения людей) могут с разной интенсивностью влиять на жизнь конкретного человека. Если ситуация меняется быстро и предметом перемен становятся значимые стороны жизни (например, с появлением новых технологий), то вместе с модернизационными изменениями появляются и проявляются черты, несущие архаику.

По сути, архаика никуда не девается. Она подспудно существует при модернизационных процессах. Она есть некоторая гарантия того, что ситуация потенциально может быть отыграна назад. Во многих случаях модернизационные изменения были бы невозможны, если бы не смягчающее влияние уравнивающих их архаичных, по сути, противовесов. По мнению Ю.М. Лотмана, «подобно тому, как в биологической эволюции ранние формы жизни лишь частично вымирают, а в значительной мере эволюционируют, приспособившись к новым условиям, в человеческой истории и культуре выделение новых доминант не приводит к исчезновению предшествующих. Так, появление новейших цивилизаций не привело к исчезновению ни рабовладения, ни других — более ранних — экономических форм. В равной мере архаические системы обычаев и форм поведения отходят на периферию, но, как правило, сосуществуют с более поздними структурами» [2, с. 357].

Опыт российских модернизаций показывает, что успешные для государства реформы (например, времени Петра I) несли сильнейший налет архаики в виде роста внеэкономического принуждения и усиления крепостнической эксплуатации крестьян. Оценивая результаты реформ Петра, В.О. Ключевский писал: «...совместное

действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная» [15, с. 203].

Реформы советского времени сопровождались близкими по содержанию процессами. Быстрое промышленное развитие было возможно лишь в условиях централизованного изъятия и перераспределения продукции за счет закрепощения части работников на земле, либо на производстве, что и было сделано с колоссальными издержками как материальными, так и людскими. Конечно, и в одном, и в другом случае речь идет о неорганичной модернизации, основные черты которой хорошо описаны современными исследователями.

Представляется, что два вышеназванных феномена теснейшим образом связаны друг с другом; часто они представляют крайние характеристики единого процесса, протекающего в какой-либо социальной системе изменений. Одна из них олицетворяет ценности технических и институциональных новаций. В то время как другая — ценности прошлого, хорошо зарекомендовавшие себя в определенный исторический период. Точно так же внутри каждого человека постоянно происходит борьба между стремлением к новому и консерватизмом, модернизацией и архаикой.

В первой половине XX века Россия пережила индустриализацию. По мнению В.Г. Федотовой, после распада СССР в 90-е годы в стране имела место деиндустриализация. Страна лишилась возможности самостоятельно производить целый ряд товаров народного потребления и не могла выйти на уровень постиндустриализма, характерный для большинства государств Запада. Тот же автор пишет: «...традиционная “подкладка” российской ментальности многократно разрушалась — как в советское время, так и в 90-е годы, период усиленной рекультивации. Радиализм такой культурной политики привел к культурной демодернизации и подъему архаики, преодоленной в прошлом» [1, с. 84].

По мнению И.Г. Яковенко, имеет смысл говорить о рисках модернизации: «...трансформация современных промышленных и социальных технологий, извращенное понимание политических институтов, постоянное и последовательное “вкладывание” в современные формы устойчивого традиционного содержания блокируют усилия по развитию общества, хаотизируют социальные взаимодействия. Кроме того, возникает сложная проблема познания и описания реальности, в которой за модернизированной формой скрывается совершенно иное содержание» [16, с. 28].

Переживающие изменения социальные системы не являются устойчивыми, тем более, если трансформации наблюдаются во всех подсистемах общества. Модернизируемые институты находятся под сильным давлением со стороны неформальных, не связанных с государством подсистем общества. Если модернизация неорганичная, то возникает опасность имитационного демонстративного соответствия ей других подсистем общества.

Так, для сегодняшней модернизации в России свойственен имитационный характер на фоне фрагментации части общества (народов европейской части России), ослабления институтов государства, общества (например, семьи), роста индивидуализма, распространения ценностей потребления. В случае с Россией ситуация усугубляется тем, что модернизация, про которую часто говорят, имеет слишком мало агентов внутри страны, и тем более за ее пределами. Нет субъекта, заинтересованного в модернизации, по крайней мере, такого, который готов интеллектуально и ресурсно вкладываться в этот процесс. Встроенность России в современную мировую финансово-экономическую систему, сырьевая ориентация, технологическая зависимость, неблагополучие в социальной сфере, сбрасывание государством социальных обязательств, деградация высшей и средней школы не соответствуют тем задачам, которые ставит руководство страны, и вызовам времени.

Ухудшение социального самочувствия широких слоев населения, деградация человеческого капитала, региональное неравенство, ухудшение планирования и прогнозирования, изменение межэтнического баланса в международных отношениях, поощряемый государством рост клерикализации населения, объективно препятствующий модернизации, ценностная дезориентация (кризис ценностей) вместе составляют неблагоприятную среду для модернизационных процессов в России.

Особо следует отметить изменившуюся роль религии в современной России. Традиционные конфессии получают значимую поддержку со стороны правительства, федерального центра и субъектов Российской Федерации. Они стали существенно активнее, чем раньше. Растет количество верующих, в том числе и среди молодежи. Неконтролируемый наплыв миллионов гастарбайтеров из Средней Азии, занятие ими определенных экономических ниш, проникновение и распространение на территории России течений исламского фундаментализма лишь усугубляет и без того неблагоприятную ситуацию в данном отношении.

В то же время есть факторы, с помощью которых можно продемонстрировать успех модернизационных процессов: возрастание роли, плотности и технологичности массовых коммуникаций, формирование с их помощью новых политических мифов, которые часто являются новой версией старых. По мнению В.П. Пугачева, мифы имеют существенное превосходство над, главным образом, абстрактными научными концепциями, поскольку они неразрывно связаны с чувственными образами [17, с. 109]. Мифотворчество процветает в современном российском коммуникативном пространстве, к нему в той или иной степени прибегают все противоборствующие силы.

Еще одной значимой проблемой власти является невозможность осуществлять полный контроль информационного пространства государства и неравномерность контроля территории России на региональном уровне. Результатом этого являются разрывы прежде единого «имперского» пространства, вследствие чего запущены

процессы переориентации некоторых регионов на нероссийские центры интересов, ослабляющие единство и целостность государства.

Деградация элиты, утрата ею своих основных функций, «вымывание» из элиты деятелей науки, культуры и образования ведут к утилитаризму, примату тактических целей над целями стратегическими. Сохранение высокого децильного коэффициента (по официальным данным в 16 раз) ведет к деградации значительной части населения.

Утрата ведущих позиций в теоретической и прикладной науке, «утечка» умов, отсутствие видения перспективы и основных тенденций изменяющегося мира, деиндустриализация, упрощение производства до элементарного, возникновение и развитие этнического предпринимательства, негативная ресоциализация значительной части населения, восстановление архаических коммуникативно-хозяйственных практик, слабая поддержка образования, учреждений культуры и науки объективно способствуют нарастанию периферийности и архаизации современного российского общества.

Мобилизация осуществляется за счет ценностей прошлого, существенно меняются приоритеты процессов идентификации. Мы видим дрейф от государственного уровня к уровню этническому. Происходит дробление идентичностей. Нарастают процессы «теневилизации» общества, имеет место дублирование официальной и неофициальной властей.

Названные процессы происходят в реальности. Однако в дискурсе власти видно совершенно иное. Власть демонстрирует символы успеха: Сколково, нанотехнологии Чубайса, реформы образования и армии. Власть транслирует, параллельный реальному, мир символического успеха проектов реформирования медицины и социальной сферы в целом. В ситуации профессионализации коммуникации «новые профессионалы» умело манипулируют людьми, институтами, информацией. Они задают информационно-коммуникативную повестку дня, умело превращают вертикальные, по сути, коммуникативные потоки в подобие горизонтальных, придавая им нужную в данном случае форму. Они инсценируют социальное партнерство и диалог между властью и «народом» и в реальном, и в виртуальном мире.

Социальный капитал, распределенный в различных стратах российского общества, очень незначителен. Люди не доверяют друг другу, правительству, партиям, выборам. Доверием пользуется лишь очень узкий круг близких родственников и друзей. Мы можем наблюдать эту ситуацию, двигаясь снизу вверх по социальной лестнице. А ведь доверие является одним из значимых компонентов социального капитала.

Заметно стремление власти играть на понижение. И это не является новацией российской власти: рассуждая об американской действительности, А.С. Панарин писал о «революции социального дизайна». «Социальный дизайн, презумпция которого состоит в том, чтобы по существу ничего не менять в содержании, создавать

приемлемость формы, в принципе не мог удовлетворить сформированное просвещением мышление или сбить его с толку. Американская культурная революция как раз и состояла в том, чтобы сформировать новое сознание, довольствующееся формой» [18, с. 200].

Уход от преимущественного внимания к содержанию и сосредоточение внимания на форме, свойственное новой России, помогает находящимся у руля управления силам создавать впечатление «устойчивого успеха», движения вперед и т. п., в то время как реальная ситуация в лучшем случае не меняется, скорее, даже усугубляется. По мнению Дж. Скотта, «чем больше претенциозности и настойчивости в официально изданном приказе, тем больший объем неформальных методов необходим, чтобы поддерживать эту фикцию» [19, с. 404]. Одним словом, неформальные, неинституализированные архаические практики могут и часто поддерживают (и это не только видимость) реформирование, трансформацию той или иной социальной системы.

Архаические практики могут приспособляться (могут быть приспособлены) к модернизационным изменениям и даже поддерживать их. Наглядным примером этого может служить ситуация в Японии после Второй мировой войны. Победители-американцы проводили экономические реформы, пытались заменить семейные принципы ведения бизнеса принципами профессионального менеджмента. Но институт менеджерского капитализма сформировать не удалось, так как «семейные» банки были не тронуты и избежали «чистки». «Причина этого выживания была достаточно забавной — американские оккупационные силы просто не поняли структуру японского семейного капитализма. Военное правительство полагало, что японский семейный капитализм аналогичен американскому, где не поощрялись покупки независимых предприятий банками» [20, с. 47]. Однако в целом организационная культура новых японских предприятий достаточно органично учитывала и использовала специфические особенности японского наемного персонала, то есть японскую деловую культуру. Напомним, что данные модернизационные изменения — пример удачного реформирования экономики и общества. Примеров удачного проведения модернизационных реформ существенно меньше, чем неудач на этом, безусловно, важном, а часто и на объективно нужном пути.

Дело осложняется тем, что процессы архаизации проявляются в регионах России в разной степени. Россия — асимметричная федерация и ее субъекты имеют неодинаковые отношения с федеральным центром. Субъекты-области и субъекты-республики на практике в разной степени интегрированы с Россией. Архаизация в большей степени захватила национальные субъекты Федерации. В этих регионах за последние двадцать лет значительно упала численность и влияние русскоязычного населения, а архаизирующие тенденции заметны как в городской, так и в сельской местности.

Слой собственно российской культуры за последние два десятилетия стал в этих регионах намного тоньше, в

то время как выходявшие из употребления местные традиции, практики и верования стали всё больше и больше выдвигаться на передний план. Во многом можно говорить о возврате к своим культурным истокам, к своим цивилизационным корням. В большинстве северокавказских республик, где традиционно исповедуется ислам, в настоящее время активно работают шариатские суды и действует местное право. При этом органы официальной государственной власти отодвигаются на второй план. «Отсутствие большинства юридических и финансовых институтов, необходимых для функционирования “нормального” капитализма, привело к появлению заменителей, которыми стали реликты традиционного общества, родственные и земляческие связи, нормы чести и честности перед “своими”» [21].

Все более заметными на окраинах России становятся проблемы межнациональных отношений. Так, по мнению Ч.К. Ламажаа, «до сих пор национальный вопрос в Туве, несмотря на относительную стабильность, спокойствие в этой сфере общественной жизни, является довольно болезненным. Ситуацию можно охарактеризовать скорее словами “дистанция”, “отчужденность”, чем “диалог культур”, “толерантность”» [22, с. 182].

Национальные республики культивируют свою самобытность и в них реализуются свои модели архаизации с уникальным профилем трансформирующихся структур и практик. Если на Северном Кавказе русский язык остается языком межнационального общения, то в той же Туве сфера его применения постепенно сужается. Местное население предпочитает говорить на родном языке. «Кызылская прокуратура Республики Тыва, в ходе проверки средних школ, выявила факты преподавания русского языка и русской литературы на тувинском языке. Начальные классы обучаются на нем полностью» [23]. Естественно, это может быть объяснено тем, что республика вошла в состав СССР одной из последних, и процессы культурного проникновения русского мира не успели пустить здесь корни. Но, в немалой степени, это может быть понято как результат возвратного движения русскоязычного населения в «большую» Россию.

Конечно, ситуация по республикам серьезно различается, но как общую тенденцию следует отметить отток инокультурного населения, явно выраженную артикуляцию этнокультурных границ [24, с. 22], «замыкание в своих национальных квартирах». Местные элиты пытаются конструировать культурную дистанцию между русскоязычным и коренным населением, и в значительной части случаев при отсутствии контроля со стороны Федеральному центра это им удается.

Не надо думать, что процессы архаизации охватили только субъекты — республики России, здесь разрушенные институты государства были замещены реактуализированными родовыми структурами. По сути, родовые структуры вошли в республиканские. В субъектах — областях России ситуация еще более сложная: полноценного замещения так и не произошло. Новые институты государственной и муниципальной власти слабы, в то же вре-

мя отсутствует ее поддержка институтами гражданского общества. Причем у граждан ослаблены навыки самоорганизации, а о родовых институтах только вспоминают. В такой ситуации говорят о разных возможностях контроля субъектов Федерации со стороны центра. В определенной степени можно констатировать наличие кризиса в системе территориального управления, а это уже вызов территориальной целостности российского государства.

По мнению Ч.К. Ламажаа, в архаизации как таковой заложен «потенциал двух типов — конструктивный и деструктивный. Соотношение между ними диалектическое, поскольку они являются противоположностями, образующими единство» [22, с. 54]. В известной степени архаика может являться своеобразным громоотводом, гасящим излишне революционные или слишком быстро протекающие изменения. Точно так же внутри каждого человека постоянно происходит определенная борьба между стремлением к новому и консерватизмом, модернизацией и архаикой. Откат назад к привычному, более простому, отказ от институтов модерна можно рассматривать как колебание трансформируемой социокультурной системы, позволяющее проверить «новое» на прочность и адекватность ситуации, времени и месту. Использование наследия архаики и традиции является необходимым, а часто, и неизбежным при осуществлении модернизационных изменений. Можно сказать так: чем в большей степени реформаторам удается учитывать традицию и архаику, их принципиальную совместимость, тем вероятнее успешность их деятельности.

Модернизация возможна лишь при учете сохранившейся архаики в социокультурном пространстве, так как сама по себе она является существенным травматогенным фактором. Использование архаических практик помогает смягчить сложности трансформаций, переходного периода от старого к новому. Таким образом, модернизируемая реальность, в той или иной степени, неизбежно несет в себе элементы архаики, которые определенным образом поддерживают изменения. Старые институты подстраиваются под формирующиеся новые, наполняя их старым содержанием, что придает модернизационным процессам неравновесный, неустойчивый характер. Особенно это заметно при неорганичной, «догоняющей» модернизации, которая имеет место в России.

Список литературы

1. Федотова В.Г. Хорошее общество. — М.: Прогресс-Традиция, 2005.
2. Лотман Ю.М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. — М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010.
3. Делягин М.Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. — М.: Вече, 2008.
4. Костина А.В., Гудима Т.М. Культурная политика современной России. Соотношение этнического и национального. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
5. Романовская Е.В. Цензура в архаичном обществе // Цензура как социокультурный феномен: науч. доклады. — Саратов: Новый ветер, 2007.

6. Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nir.ru/sj/sj3-4-99kost.html>
7. Чистов К.В. Традиция, «традиционное общество» и проблема варьирования // Советская этнография. — 1981. — № 2.
8. Лурье С.В. Историческая этнология: учеб. пособие для вузов. — М.: Аспект Пресс, 1997.
9. Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. — М.: Новый хронограф, 2008.
10. Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. — М.: Наука, 2008.
11. Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. — 2008. — № 2.
12. Дугин А.Г. Археомодерн [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.arcto.ru/article/1472>
13. Рязанов А.В. Социокоммуникативные основания и функции современной российской клиентелы // Социокультурные проблемы языка и коммуникации. — Саратов: ПАГС, 2006.
14. Побережников В.И. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. — М.: РОССПЭН, 2006.
15. Ключевский В.О. Курс русской истории // Курс русской истории. Соч. в 9 т. Т. IV. — М., 1989.
16. Яковенко И.Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. — М.: Прогресс-Традиция, 2006.
17. Пугачев В.П. Управление свободой. — М.: КомКнига, 2005.
18. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. — М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2004.
19. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливаются проекты улучшения условий человеческой жизни. — М.: Университетская книга, 2005.
20. Ингуи Оу. Японский менеджмент: прошлое, настоящее и будущее. — М.: Эксмо, 2007.
21. Левинсон А. Кавказ-лаборатория [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/6/13/html>
22. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества. Тувинский феномен. — М.: Книжный дом; ЛИБРОКОМ, 2013.
23. Словецкий В. Русский язык в Тыве стал иностранным [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.svpressa.ru/society/63983/>
24. Рязанов А.В. Управление идентичностью: артикуляция этнокультурных границ в полиэтничных регионах России // Власть. — 2012. — № 4.

УДК 008
ББК 71.0

Р.К. ТАНГАЛЫЧЕВА

АККУЛЬТУРАЦИЯ ВРЕМЕННЫХ МИГРАНТОВ ИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В КРУПНОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ

Рассматриваются вопросы межкультурной коммуникации и аккультурации иностранцев в крупном городе, анализируются различные подходы к изучению аккультурации и крупного города как пространства межкультурной коммуникации. Утверждается, что решение проблем аккультурации и преодоления трудностей, возникающих у иностранных граждан в процессе приспособления к инокультурной среде, возможно на основе техники культурного ассимилятора. Пространство крупного города рассматривается на примере Санкт-Петербурга, с самого основания поликультурного города.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, аккультурация, временные мигранты, крупный город, глобализация, техника культурного ассимилятора.

В условиях глобализации миллионы людей, принадлежащих к разным культурам и социальным группам, получили возможность свободно перемещаться по миру и участвовать в культурных практиках других народов. Местами локализации их межкультурных контактов в настоящее время являются крупные города, так как именно они представляют собой центры культурного разнообразия, развитой инфраструктуры и социальных возможностей. Некоторые зарубежные и российские города приобрели в последнее время глобальные черты,

привлекая новых участников межкультурных обменов — персонал международных компаний и организаций, дипломатических служб, студентов, туристов, а также вынужденных трудовых мигрантов и членов их семей.

В крупнейших российских городах численность временных мигрантов из зарубежных стран достаточно велика и постоянно растет. Процесс их вовлечения в принимающее общество усложняется тем, что они, в конечном счете, или возвратятся домой, или отправятся в другую страну. Поэтому они обычно находятся в ситуации выбора между